

французский эпос ⁴, перемещены туда из западноевропейской реальности. И даже осторожный автор хроники псевдо-Бенедикта Питерборосского обнаруживает на византийском Кипре графов, баронов и их *homines* ⁵ — типичные категории английского дворянства.

В других случаях термины, прилагаемые к византийской знати (*nobiles, proceres, principes, maiores* и пр.), настолько неопределенны, расплывчаты, что невозможно говорить об их конкретном значении. Так, Арнольд Любекский, описывая прием Мануилом I саксонского герцога Генриха Льва, сообщает, что император восседал со своими понтификами, *principes* и оптиматами (MGH, SS, XXI, p. 119). И все-таки есть несколько свидетельств, в какой-то мере передающих восприятие соседями специфики византийского общественного порядка.

В этой связи можно назвать такого осведомленного историка второго крестового похода, как Одо Дейльский ⁶, который усматривал в богатстве характерную черту византийской элиты. Людовика VII, по рассказу Одо, встречали в Константинополе знатные и богатые ⁷, а вслед за тем он сообщает, что в византийской столице царит беззаконие и что там столько господ, сколько богачей ⁸. Некоторые писатели подчеркивают наличие в составе господствующего класса Византийской империи служилой знати: по Ордерикю Виталию, Алексей I заседал с «мудрыми» (английские уитаны?) и сенаторами (PL, t. 188, col. 519 C); Роберт Монах видит в окружении Алексея I императорских *principes* и магистратов (RHCoc., III, p. 816).

Любопытная новелла, передаваемая английским писателем XIII в. Уолтером Мапом, рисует византийское общество социально подвижным. Мап повествует об одном константинопольском сапожнике, который влюбился в прекрасную заказчицу, но не мог добиться взаимности. Тогда, распродав имущество, он стал воином, «сменив свое низкое состояние на статус знатного человека». И все-таки отец красавицы воспротивился его притязаниям, что заставило бывшего башмачника вступить в пиратскую шайку ⁹. Впрочем, хотя пираты — характерное явление византийского мира конца XII в., мы не можем быть уверенными, что социальный порядок, обрисованный Мапом, в самом деле византийский, а не английский.

Среди наблюдателей, пишущих о византийском обществе, особое место принадлежит Гийому Тирскому (ок. 1130—1186) — видному церковно-политическому деятелю и историку франкского Востока, хорошо знакомому с государственным бытом Империи. Гийом Тирский дважды бывал в Константинополе. В 1168 г., тогда еще архидьякон, он вел по поручению короля Амори I Иерусалимские переговоры с императором Мануилом I о союзе против сельджуковского Египта. В 1179—1180 гг., будучи уже в сане архиепископа и возвращаясь на родину из Рима, где он фактически возглавлял делегацию иерархов Иерусалимского королевства на Третьем Латеранском соборе, Гийом Тирский снова приехал в Константинополь — на этот раз по просьбе папы Александра III. Занимаясь здесь делами апостольского престола, Гийом прожил в византийской столице почти семь месяцев. Он снискал полное расположение Мануила I, который согласился расстаться с ним лишь потому, что расчи-

⁴ Karls des Großen Reise. Leipzig, 1895, S. 17. 267—271, 19.309, 91.336.

⁵ *Benedictus Peterburgensis. Gesta Henrici II et Ricardi I.* — «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*», N 38, vol. II, 1864, p. 164, 168. О некоем кипрском «бароне», обладателе замка и города, см.: *K. Brunner. Der mittelenglische Versroman über Richard Löwenherz.* Wien, Leipzig, 1913, S. 210. 2409—2410.

⁶ О нем см.: *М. А. Заборов.* Современники — историки и хронисты крестовых походов. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 141.

⁷ *Odo of Deuil. De professione Ludovici VII in Orientem.* N.-Y., 1948, p. 58.

⁸ *Ibid.*, p. 64.

⁹ *Walter Map. De nugis curialium.* Oxford, 1914, p. 183 sq.